

Желобовский Игнатий Александрович (1895–1963). Свою профессиональную карьеру Игнатий Александрович Желобовский начал как школьный учитель: преподавал литературу в школе им. В. Ключевского (быв. гимназия Подлесной (?). В 1925 г. он выступил соавтором издания, посвященного опыту преподавания литературы в единой трудовой школе (в подзаголовке издания значится «практика Дальтон-плана в России») [Желобовский 1925]. Книга, по словам авторов, представляет собой «конспекты бесед, проведенных с детьми в классе». Раздел, составленный И. Желобовским, посвящен занятиям в VI и VII группах. Характеризуя отбор литературных произведений для анализа, И. Желобовский пишет:

Социальная же ценность беллетристического произведения зависит от его художественной ценности (чем выше художественность, тем сильнее воздействие). Для этого представляется необходимым познакомить детей с видами литературных форм и с некоторыми элементарными приемами литературной техники — построение произведения, эффекты стиля, языка и т. д. [Желобовский 1925, с. 7].

Признание значимости художественного критерия при подборе литературы для детского чтения определяло и в дальнейшем взгляды И. Желобовского на принципы формирования круга детского чтения.

В те же годы, в начале 1920-х, в числе энтузиастов во главе с Владимиром Васильевичем Петровским (1895–1981) Желобовский участвовал в организации Севастопольской центральной детской и юношеской библиотеки-читальни («Центрдетюнбичи»), а затем стал одним из ее сотрудников:

Учитель литературы в старших классах Игнатий Желобовский — Игналик, вел в библиотеке литературный кружок и кружок выразительного чтения, а Петровский — кружок естествознания. Ребята 13–14 лет, «галчата», группировались около него, а «зверята» обожали Владваса — Владимира Васильевича [В. В. Петровский. — С. М.]. Он был для них и друг, и учитель, и защитник от «галчат»¹.

В архиве библиотеки сохранился автограф шуточной оды первым сотрудникам Центрдетюнбичи, написанной И. А. Желобовским:

*Светлой памяти «Центрдетюнбичика»
[Севастополь Декабрь 1920 — Февраль 1923 гг.]
...Это было суровой скрыто-тайною некой...
Так хотели «галчата» — их желание закон!*

...Только в восемь пустили старших в библиотеку,
Когда в окна румянцем заглянул небосклон.
...Там и Вера Григорьевна — упоительно скрытная,
Ласки сдержанной полная, как в апреле весна.
...Александра Абрамовна — снисходительно томная,
Неизменно приветлива, неизменно ясна...
И, душою прозрачною, иногда поучительный,
Погруженный в гражданственность, в социальный экстаз, —
Позитивно-мечтательный, неизменно пленительный,
Черночубый, застенчивый, несравненный Владвас.
...Кончик носа смеющийся — ловит лучики редкие
Непослушные лучики невидимки-души...
...А, маэстро-нахохленный, сыплет реплики едкие,
И с душою торгуется. Те! — душа, не шурши...²

По-видимому, в 1923 г. вслед за Петровскими И. А. Желобовский переехал в Москву. Он становится сотрудником Института детского чтения: с 1923 г. входит в состав комиссии по новой детской книге. В июне 1931 г. среди немногих бывших сотрудников Отдела детского чтения при Институте методов внешкольной работы перешел работать в Научно-исследовательский институт детской литературы и детского чтения при Российской ассоциации научно-исследовательских институтов методов педагогики, но уже в марте 1933 г. институт был закрыт.

Публикации И. А. Желобовского за 1923–1933 гг. демонстрируют его основные исследовательские и педагогические интересы. Совместно с П. Рубцовой в 1927 г. он выпустил указатель детской литературы для чтения в единой трудовой школе (во вступлении к изданию авторами высказана благодарность Отделу детского чтения и читальне Центрального дома пионеров Хамовнического р-на) [Желобовский 1927]. В аннотациях заметно стремление дать тексту литературоведческую характеристику (например, о рассказе Замойского «Бурная ночь»: «очень сжат; несколько лубочные приемы [Там же, с. 13]») и, с другой стороны, прокомментировать детскую рецепцию («Привлекает детей героическое мужество девочки» о рассказе Корделии «Девочка, спасающая поезд» [Там же, с. 19]).

И. А. Желобовский принимал участие в написании статей для I тома «Литературной энциклопедии» (М., 1930). Им написаны биографические статьи о Сергее Ауслендере и Виталии Бианки (кратко охарактеризовано их творчество для детей).

Большое место в исследованиях И. Желобовского занимали вопросы детского чтения, прежде всего, практика рассказывания и выразительного чтения³. Впоследствии в 1948 г. он выпустил

Первый коллектив Центрдетгюнбичи (слева направо): И. А. Желобовский, В. В. Петровский, Б. А. Смирнова, В. Г. Папернова, Е. А. Войцеховская, А. А. Петровская (фото 1923 г.; из архива Центральной детской библиотеки имени А. П. Гайдара, г. Севастополь)

учебную программу для библиотечных техникумов и культурно-просветительных школ «Выразительное чтение и рассказывание» [Желобовский 1948], в которой обобщил свои наблюдения над практикой рассказывания, сформулировал сложившиеся на этот момент направления исследований детской репродуктивной словесной деятельности: методика рассказывания, репертуар рассказывания, рассказывание и другие виды искусства. Основательность программы показывает, что именно детское рассказывание стало главным научным интересом ученого и педагога.

На рубеже 1920–1930-х гг. И. А. Желобовский пробовал себя и в других областях педагогического сопровождения детского творчества: несколько публикаций, вышедших в 1930 г., были посвящены теме «периодика и дети». С одной стороны, его интересовала методика чтения газет и журналов, с другой — создание самостоятельных детских периодических изданий, в том числе и рукописных стенгазет. В статье «Сплетня и газета» И. А. Желобовский обосновывает интерес детей-читателей к происшествиям и шире к авантюрно-приключенческому типу письма, характеризует корни

«мещанского интереса к скандалу» [Желобовский 1930, с. 3], дает практические рекомендации, как построить беседу вокруг газетной заметки о «происшествии». Основным инструментом, который предлагает использовать И. Желобовский, — это перенос акцентов с ужасных подробностей на идеологическую интерпретацию события: «Если интересоваться бандитами, то лучше уж мировыми бандитами Англией и Америкой. Средство избавиться от них одно — мировая революция» [Там же, с. 7]. В двух публикациях И. Желобовский рассматривает связь между читательским опытом знакомства с газетой и созданием самостоятельной газеты⁴, подчеркивая сатирические и презентативные задачи стенгазеты:

Она — черная доска для бузотеров, не желающих учиться, мешающих другим. Стенгазета высмеет девочек, которые пудрятя, завивают волосы. Она напишет про учителя, который запугивает ребят, у которого есть любимчики. Чтобы написать про учителя, нужно особенно хорошо проверить факты и обдумать заметку. В стенгазете помещают свои отчеты и учком, и школьные комиссии, и сама редколлегия, и пишут о своей работе кружки [Желобовский 1930а, с. 5].

В этом же году выходит брошюра, посвященная организации библиотечной работы с детьми. На восьми страницах И. А. Желобовский со знанием дела набрасывает характеристику детских читательских интересов («Старые, скверные книги про разбойников и сыщиков. После революции их не издавали. Но дети разыскивают их где-то, передают друг другу тайком и зачитываются ими всласть») и приписывает книгам определяющую роль в формировании преступных подростковых сообществ конца 1920-х гг. (в частности, бандитской группы «Черные мстители», убившей весной 1929 г. в Ленинграде девочку). Довольно категорично он сегрегирует круг детского чтения («Есть много других, ненужных и вредных, интересных, но засоряющих детские мозги. Но даже и хорошая книга может быть вредна. Ими зачитываются до боли, до рези в глазах, забывая и школу и игры») и формулирует надзирательную и направляющую функции библиотеки: «*Необходимо руководство* [курсив в тексте. — С. М.]. За детским чтением необходимо следить. Надо вовремя дать хорошую книгу, научить ее читать, чтобы из этого вышел толк» [Желобовский 1930б, с. 1–2]. Роль библиотеки он считает ведущей в организации детского досуга: «Библиотека организует детей, организует их интересы, отвлекает их от улицы, от карт, от серпанки» [Желобовский 1930б, с. 4].

Эти масштабные задачи, по мнению Желобовского, можно выполнить, если внимательно изучать реальные детские запросы.

Этому он посвятил свою статью «Социальный заказ юного читателя» [Желобовский 1929], в которой дает обзор детской читательской конференции, организованной ИМВР в 1929 г.

В 1930 г. из печати выходит и небольшая историческая повесть И. А. Желобовского, адресованная детям старшего возраста «Корабль-скиталец (Броненосец «Потемкин»)»⁵.

Складывается впечатление, что 1930 г. был пиком научно-просветительской активности И. А. Желобовского. Практически во всех публикациях есть ссылки на Отдел детского чтения ИМВР (или угадываемые апелляции): либо на конкретные исследования, либо на Отдел как методический центр руководства исследованиями детского чтения.

Но постепенно интенсивность публикаций ослабевает, в 1930-е гг. это отдельные статьи, посвященные все тем же проблемам: газета и ребенок-читатель, пионерская периодика. Иногда И. А. Желобовский обращается к новым материалам: зоологическая беллетристика, художественное переложение Спартака Джованьоли и др.⁶ Во многих публикациях замечен профессиональный критический взгляд на новую детскую литературу, например, в обзоре новых книг на политехнические темы [Желобовский 1932]. При этом по всем текстам разбросаны оценки с позиций партийной критики литературы. Так, в целом доброжелательно отзываясь о творчестве Б. Житкова, И. А. Желобовский, характеризуя «Про эту книгу», пишет: «производственный процесс в ней раскрыт блестяще, но только им автор и ограничивается». Чуть дальше критик предъясняет претензии книжкам «Сквозь дым и пламя» и «Плотник»: «социальная сторона производства у Житкова и здесь не показана» [Желобовский 1932, с. 48].

В 1944 г. выходит сборник «Навстречу опасности», составленный, как говорится в подзаголовке, из «рассказов английских и американских писателей». В рассказах Чарльза Меджора «Встреча с медведем», Мэри Мейп Додж «Хаарлемский герой», Чарльза Робертса «Мелинда и рыси» и Генри Вилорд Френч «Ямауд, сын Ахмета» даны образцы героического детского поведения в опасных условиях, которые выглядят несколько анахронично на фоне событий Великой Отечественной войны: девочка не боится рысей, мальчик пальцем затыкает дырку в плотине и т. п. Какова была реакция рецензентов на этот сборник, обнаружить не удалось, но в контексте критики военных лет он, скорее, вызвал бы недовольство: говоря в терминах критики тех лет, он не отражает «задач времени»

и «реальной жизни», подвиги детей либо лишены общественного значения, либо поданы в авантюристической жанровой парадигме (мальчик Ямауд спасает целый караван невольников), которая не приветствовалась критиками в конце войны. На фоне позиции И. А. Желобовского, сформулированной в 1920-е гг., это издание выглядит более чем неожиданно: борец с «мещанским авантюризмом» выпускает сборник авантюрных рассказов. К сожалению, у нас нет данных, позволяющих объяснить психологические и/или иные причины его появления на свет.

Известные нам публикации И. А. Желобовского завершаются учебной программой 1948 г., охарактеризованной выше.

Ниже мы публикуем статью И. А. Желобовского *Пионеры в литературе* (Народный учитель. 1926. № 9. С. 100–106). Она интересна как одна из первых литературоведческих попыток определения границ термина «пионерская литература» и выделения нового типа персонажа в детской литературе — пионера⁷.

С. Маслинская

ПИОНЕРЫ В ЛИТЕРАТУРЕ

(По существу и по поводу)

Такой, несколько легкомысленный подзаголовок, к сожалению, необходим в этой статье. Необходим по трем причинам: 1) пионер-движение* у нас в Союзе не является чем-то замкнутым, обособленным, оно все больше вращается в школьный и во внешкольный детский быт и в педагогическую политику и поэтому втягивает в свою орбиту все больше и больше общепедагогических вопросов; 2) конечно, пионер-движение использует литературу в своих целях — в целях пропаганды, воспитательных, методических и т. д.; но, с другой стороны, и литература часто использует пионеров в своих целях, иногда ничего общего с пионер-движением не имеющих; 3) самый термин «пионерская литература» имеет несколько совершенно различных значений.

С первыми двумя причинами нам все время придется считаться, третью же попытаемся устранить, разобравшись в терминологии.

* При republicации сохранены некоторые особенности орфографии первой публикации (пионер-движение, пионер-отряд) и авторские сокращения.

I.

Несколькими издательствами («Молодая Гвардия», «Юный Ленинец», «Прибой», «Новая Москва») издаются серии под одинаковым названием «Библиотека юного пионера». В эти серии входят книжки беллетристические, популярно-научные и политические по самым различным вопросам, интересным для пионерского возраста (11–15 лет); в связи с этим и под литературой понимается иногда вся литература, создаваемая для данного возраста, т. е. литература не только для пионеров. Вообще же говоря, можно насчитать всего несколько книжек, которые были бы интересны только для пионеров.

Но существует и другая «пионерская литература» — литература о пионер-движении, методическая и организационная, предназначенная в громадном большинстве случаев для вожатых.

Мы же будем говорить только о той беллетристике, *в которой так или иначе фигурируют пионеры* [курсив автора. — С. М.].

Но даже ограничив и таким образом наш материал, мы встретимся с такими книгами, которые по существу не являются пионерскими, т. е. не говорят о пионерах, и на которых тем не менее нельзя будет не остановиться. Дело том, что в последнее время пионер сделался в детской литературе своего рода литературным именем, вроде того, как раньше благородный авантюрист или атаман разбойников. Нередко он используется как олицетворение прежнего рока и приводит все к благополучному концу. Такой пионер естественно приобретает штамп, теряя специфические пионерские черты.

II.

Особенно злоупотребляют пионером в приключенческих произведениях с политическим оттенком, например, когда хотят популяризировать идею Коммунистического Интернационала. Таковы «Приключения Кима» (Варич и Филио), «Приключения пионера Пети» (Валентин). Эти и подобные произведения получили достойную оценку на страницах «Вожатого» в статье т. Смирновой (1925. № 19–20). Не говоря уж об их литературной безграмотности, скверно то, что в них искажается самая идея пионер-движения. Отличительный характерный признак этого последнего — коллективизм в работе. Здесь же перед нами герой-одиночка. Индивидуализм пронизывает глубоко старые и по литературным приемам и по идеологии книги. Любопытны две книжки чисто-приключенческого характера: «Митька за границей» (Богданова) и «Пионер в Америке» (Тринань-Милевский).

Первая по типу напоминает знаменитых «Макса и Морица» Буша или еще, пожалуй, ближе другую, некогда популярную старую книжку Баста «Вокруг света без гроша в кармане». Любовно, даже изящно изданная, эта книжка своими рисунками-шаржами и своими полными примитивного юмора, но, к сожалению, весьма часто безграмотными стихами очень популярна у ребят, в том числе и у пионеров. Вторая книжка — детективная повесть, типа «Пинкертона», написанная очень неумело и потому не получившая распространения. Оба литературные жанра, представителями (не вполне удачными) которых являются эти две книжки, имеют, конечно, свое право на существование. Но наличие в них пионера несколько усложняет дело.

В жизни сейчас, в переживаемый нами момент, пионер является слишком действенным мотивом, чтобы так легко делать его мотивом литературным, да еще в таких — следует сказать — легкомысленных жанрах.

«Пионер» — это волнует детское сердце, это далеко еще не стало привычным, с первых лет каждому знакомым, а потому немного надоевшим элементом быта. К пионеру в живой жизни, в быту предъявляются большие морально-политические требования. Иные находят, что пионер-движение в целом этим требованиям не удовлетворяет. Иные относятся к нему еще принципиально насмешливо-враждебно. И вот появление пионера в качестве литературного Петрушки даст этим настроениям новую пищу.

Все отмеченные нами книги и подобные им — не пионерские по существу. Поэтому мы не считаем нужным подробно о них говорить. Но сказать по поводу их несколько слов было необходимо, так как они оказывают пионер-движению плохую услугу. Эти псевдо-пионерские книги нисколько не популяризируют идеи пионер-движения. Наоборот, они дискредитируют ее.

Остановимся далее еще на одной категории книг, которые еще меньше можно отнести к пионерским. Они трактуют вопросы, не имеющие прямого отношения к пионерам. Эти последние являются в конце в качестве развязки.

Самой яркой из книг этого рода можно считать, пожалуй, «Как Степка беспризорный стал пионером» Лопатиной. Это книга о беспризорном. Неплохая книга. Написана очень живо и просто. Много бытовых штрихов. Подчеркивается между прочим одна из курьезных особенностей психологии беспризорных — как трудно перейти ему к «правильной» жизни. Но достаточно было Степке

столкнуться с пионер-отрядом, присмотреться к трудовой лагерной жизни — и чудо совершается, он бросает свою беспризорную жизнь. Это внутренне неоправданный конец производит впечатление фальшивого, портит книгу. Самый отряд изображен крайне бледно, ни одного живого штриха. Да и не в нем центр тяжести. Пионерам надо было появиться, чтобы спасти Степку.

Вопрос о пионерах и беспризорных вообще занимает авторов, но решается он ими однообразно, так же как и в этом случае. Отряд сталкивается с беспризорным, одевает, обувает, кормит его и обращает на путь истинный. Такой прием благотворительности, кстати сказать, и не характерен для пионер-отряда. Гораздо характернее работа с трудкоммуной, работа с беспризорными на площадке, что совершенно не использовано в литературе.

В аналогичном смысле интересен рассказ Замойского «Озорник шатуший» (в сборнике под тем же заглавием). Деревенский мальчишка шалун, сорвиголова, отпетый. От него все отстранились, и даже, когда в деревне образовался пионер-отряд, его туда не хотели было принимать. А поступив в отряд, «озорник шатуший» переродился и в короткое время сделался помощником вожатого. Сам по себе этот сюжет психологически верен. Одним из наиболее ценных педагогических свойств пионер-отряда является как раз то, что в нем (отряде) находит себе применение энергия активных натур, которая не может разумно проявиться в обычной бытовой обстановке и проявляется сперва в шалостях, а потом в хулиганстве.

Беда в том, что шалости и хулиганство даны Замойским красочно и ярко, а перерождение героя не показано, не убедительно, приходится верить автору на слово, что работа в отряде оказалась для него (героя) благотворной. Получается впечатление неоправданного, искусственного конца.

Таким же ненужным, бледным, не останавливающим на себе внимания читателя является поступление в пионер-отряд Ваньки, героя любимой детьми повести Каманина «Ванька и его собака Партизан». Да и немало можно привести подобных примеров. Это такой же шаблонный конец в нынешних детских повестях, как свадьба в старых романах.

III.

Такова беллетристика не пионерская по существу, где пионеры притянуты за волосы. Но есть книги, которые являются вполне пионерскими и по заданию и по содержанию, но в которых белле-

тристика часто притянута за волосы. Книги с популярно-научным содержанием в беллетристической форме — это старый прием, прочно укрепившийся в детской литературе. Достаточно назвать хотя бы всем известного «Доисторического мальчика» д-Эрвильн. Впрочем, д-Эрвильн — одно из немногих счастливых исключений. Обычно же книжки этого типа мало живут у детей. Любители приключений их не читают — скучно, а дети (обычно подростки), заинтересовавшиеся научной темой, тоже недовольны ими — несерьезно. Теперь этим приемом, кажется, особенно злоупотребляют. Вспомним хотя бы злополучного Орловца, книжки которого достаточно подробно раскрыты на страницах «Народного Учителя» (статья Веста 1924. № 12). Для того, чтобы такая книга вышла удачной, автор, с одной стороны, должен очень хорошо знать свой предмет, а с другой — быть очень хорошим рассказчиком.

Пионер-движение тоже использовало этот прием с целью популяризации как пионер-движения в целом, так и его отдельных вопросов.

Характерна библиотечка-серия «Как работать пионеру. Беседы вожатого», изд. «Молодой Гвардии». Она носит методический характер и состоит из отдельных выпусков, каждый из которых содержит беседу о каком-либо вопросе отрядной работы (совет отряда, пионер и беспризорные, пионер в семье и т. д.). Вопросы все животрепещущие и волнующие ребят. Однако авторы бесед, боясь сухости, вводят рассказ, предпосылая его изложению вопроса, а иногда и весь вопрос излагая в форме рассказа. Любопытно, как встретили этот прием пионеры. Они подошли к серии по-деловому, как к рабочим книжкам, которые должны им помочь в их практической отрядной работе. И беллетристика их раздражала. «Несерьезная книжка, так, рассказ какой-то» — с неудовольствием говорили они, возвращая книжку. Авторы ошиблись в расчете. Произошло это потому, что вопрос был интересен детям по существу, им вовсе не нужно было золотить пилюлю.

Такова же судьба другой книжки — «Приключения звена Ким» Сорокина. Здесь введен не только беллетристический, но и приключенческий элемент. На фоне этих приключений автор знакомит читателей с общим смыслом пионер-движения, с процессом образования отряда (кстати, неверно), с отдельными этапами отрядной работы — проработкой кампаний, лагерной работой, смычкой с крестьянами. Тут же некоторые сведения из политграмоты, тут же и неизбежный поп с самогонкой. Все это образует странную

смесь, которая решительно не идет в голову читателя. Книжка не приключенческая — ее слишком тяжелит политический материал. Любители приключений возвращают ее со словами: «Это не то, я думал, в самом деле приключения». С другой стороны, спрос «о пионерах, об их работе вообще» удовлетворяется не менее доступными серьезными (детский термин) книжками. Эта книжка мертва.

Несколько удачнее книжки Иркутова «Рассказы о законах» и «Как живут и работают пионеры». Первая посвящена законам пионеров, вторая — обычаям. «Рассказы о законах» содержит ряд фабульных, довольно живых рассказов, каждый из которых иллюстрирует какой-либо пионерский закон. Рассказы идеологически выдержаны и читаются без скуки. Один из них — «Пятнадцать долгов» — приобрел даже некоторую популярность среди пионеров и очень хорош в рассказывании. Иллюстрирует третий закон. Содержание его сводится к тому, что русские пионеры послали пятнадцать долларов американской организации. Эти деньги в критическую минуту помогли мальчику бедняку.

«Как живут и работают пионеры» — ряд сцен из жизни идеального пионер-отряда. Действия мало, книга построена на диалогах, иногда напоминает катехизис.

Надо еще упомянуть о книгах, задача которых — дать понятие о пионерах детям допионерского возраста. Это большею частью книжки-картинки. Иногда дают искаженную характеристику пионер-движения, напр., Михайлов и Преображенский «Будь готов» (скаутский уклон). Более удачна книжка Волтенина «Пионеры». В ней хорошими стихами (немного под Конька-Горбунка) рассказывается о том, как крестьянский мальчик заблудился в Ленинграде, а пионеры дали ему приют и помогли найти отца; на фоне этих несложных событий вырисовывается физиономия отряда, не реального, конечно, а такого, каким он должен быть.

IV.

Наконец, мы должны остановиться на последнем типе книг — на книгах, рисующих быт пионеров. Это и есть собственно пионерская литература, пионерская по существу. Но, увы, и здесь нам прежде приходится сказать несколько слов по поводу. Целый ряд книг, которые на первый взгляд производят впечатление бытовых, при ближайшем знакомстве с ними разочаровывают.

Характерна для этого типа книжка Гумилевского «Некоторые случаи из жизни Гриньки». С яркой обложкой, легко и не без уме-

нья написанная, с быстро разворачивающейся фабулой, с живыми сценками, она с первого взгляда возбуждает симпатию и надежды. Но при внимательном прочтении становится ясно, как сделана эта книжка. Сюжет очень действенный и острый — борьба нового и старого в советской деревне. Но какие моменты использованы для развития этого сюжета? С одной стороны, старики, тупо и безнадежно отрицающие все новое, даже в агрономии, кулаки, собирающиеся убить комсомольца-рабкора; с другой стороны, — этот комсомолец (он же вожатый отряда), его отец, склоняющийся к новому крестьянин, пионер Гринька — центральное действующее лицо, и учитель, который разводит огород, а деньги, полученные от его реализации, употребляет на школьные пособия целиком, не позволив себе даже купить новые штаны (старые у него все в заплатках). Учитель не выдуман, он взят из жизни, эпизод с огородом представляет не что иное, как пересказ газетного фельетона. Но беда в том, что и вся книжка газетная. Каждая из страниц в свое время хороша была на газетных столбцах. Но от повести хотелось бы другого. Фигуры действующих лиц схематичны, как в агитке. Но ведь агитка уже отживает свой век.

А пионеры? А пионеров в сущности нет... Есть пионер, герой-одиночка.

Книжка псевдобытовая, агитка в беллетристической драпировке. И характерно, что, несмотря на быстро и легко развивающуюся фабулу, на простой язык, на ряд близких детям моментов, она не прививается у детей. С выставки иногда ее берут, если рекомендуешь, читают охотно; если спросишь, говорят — «интересно», но второй раз не попросят, товарищам не рекомендуют. И она стоит на полке.

В рассказе Каманина «Пионер Яша» (IV сборник «Будь готов») есть бытовые штрихи (игры деревенских ребят). Яша — пионер из города, как хороший педагог, объясняет ребятам всю непедagogичность, некультурность этих игр. Ребята очень легко соглашаются с ним и переходят на пионерские, которым их учит Яша. Вообще он переубеждает деревенских поразительно легко. В бытовую картинку вносится фальшивая нота. Благодаря пионеру весь рассказ принимает ложный характер.

V.

Но есть авторы, которые заняли известное место в детской литературе именно как пионерские бытописатели. Сюда относятся Бобинская, Богданов, Рыжов.

Бобинская — польская писательница. И ее книжка «Пионеры» рисует быт польских пионеров. В одном издании это явствует хотя бы из польских имен («Гомельский Рабочий»). В другом («Земля и Фабрика») это польское происхождение затушевано, и наши русские пионеры воспринимают книжку, как русскую. Книжка изображает пионер-отряд в лагере, в деревне. И вот сразу же бросается в глаза отсутствие черточек, характерных для русской деревни. Далее, одним из существенных моментов бытовой книжки, особенно изображающей быт близкий, знакомый читателю, является бытовой элемент в языке книжки, в переводной книжке Бобинской этого элемента, естественно, быть не может. Да и вообще язык ее, громоздкий и книжный, труден для детей. Затрудняет их и построение: нет цельной фабулы — отдельные, самостоятельные по отношению друг к другу эпизоды. Такое построение не притягивает читателя, на любом эпизоде он может оборвать чтение. Это и случается сплошь и рядом: книжку большею частью не дочитывают до конца.

Все это мешает «Пионерам» стать популярной детской книжкой. Однако у старших развитых детей она вызывает большой интерес, и причиной этому их бытовое содержание: в «Пионерах» нашел отражение лагерь — самая красочная страничка из жизни отряда. Правда, эта богатая тема использована Бобинской довольно бледно, но кое-что все же есть. Тревога ночью, помощь деревне — борьба за плотину, пионер уснул на дежурстве — все это живые, полные движения сценки. А главное — в них чувствуется отряд, как организм, его настроение, его коллективная воля.

Есть в «Пионерах» и психологическое содержание — коллизия между отрядом и Анкой, индивидуалисткой, «трудной» пионеркой. Эта коллизия составляет самый значительный и самый интересный эпизод книжки. Центральный пункт его — описание ночевки трех пионеров на острове — полон психологических моментов.

Но все эти удачные штрихи так и остаются штрихами. Пафос пионерства только иногда блеснет перед читателем, и цельного впечатления от книги он не вызовет.

Есть у Бобинской еще книжка — «Маленькие рассказы» — два сентиментальных рассказа, ничего характерного для пионерского быта не заключающих.

Богданов — писатель начинающий. Это особенно чувствуется в его первой книжке «На окраине», рассказывающей про лагерь-кочевку пионеров Дальнего Востока.

Быта в ней очень мало; преобладает приключенческий элемент. Но приключенческие эпизоды смяты, ни один из них обстоятельно не развит, что непременно нужно детям. Отсюда сухость и бедность.

Совершенно другое впечатление оставляют две следующие его книжки — «Семь бед» и «Партия свободных ребят». Остановимся на первой из них, более яркой. Сочный и красочный язык книжки не всегда гладок, в отдельных эпизодах много искусственного. Но дети любят «Семь бед». Пионер, читая, смеется и придвигается к товарищу, чтобы поделиться с ним особенно удачной, по его мнению, сценой. Детские рецензии на книжку бойки и полны юмора, так же как и она сама.

Чем же книжка берет детей? Прежде она не воспеваает пионеров. Она относится к ним с легкой иронией. Пионер здесь не рыцарь без страха и упрека, не герой, который пришел, увидел и победил. Он терпит неудачи, оказывается в смешных положениях. В соответствии с этим меняется и стиль; преобладающий тон — юмористический, обилие комических эпизодов. Но этот юмор не бессодержательный — он пропитан незлой товарищеской сатирой на общественную работу пионеров. Общественная работа наряду с оздоровлением — гвоздь лагерной программы, и к тому же самый трудный гвоздь. Здесь чаще всего встречаются казусы и неудачи. Это лейтмотив книжки.

Пионеры объявили, что их слесарная мастерская бесплатно чинит старые и попорченные вещи — вся деревня потянулась к ним. Пришлось выходить из положения.

Звено получило задачу обследовать деревню в социальном отношении и направляется к кулаку, середняку и бедняку. Везде их встречает самый неожиданный, но полный внутренней логики прием; в результате им приходится спасаться бегством.

Наконец, неизбежный самогон. Везде (в книжках) ребята раскрывают козны самогонщиков, добродетель торжествует, порок наказан. Надоевший, избитый мотив, Богданов удачно и метко пародирует его.

Однако пионер настойчив и начатое доводит до конца. И отряд добился удачи в своей общественной работе — в конце концов им удалось организовать отряд бедноты, и, уезжая в город, они оставили прочные ростки у деревенского отряда.

Итак, книжка берет один из наиболее действенных мотивов отрядной работы и развивает его в легкой, живой, близкой детям форме.

Раз уж зашла речь о сатире, то нельзя попутно не отметить еще одной книжки — «Организаторы» Каманина. Трое московских пионеров хотят во что бы то ни стало организационной работы. А так как в Москве организаторов и без них много, они решают отправиться в Сибирь. До Сибири они не доехали, слезли где-то в Рязанской губернии и отправились по просторам «организовывать». На незнании городскими детьми деревенской жизни и на наивности «организаторов» автор строит ряд забавных трагикомических эпизодов. В конце концов героев рассказа местные комсомольцы, прочитав им короткую нотацию, возвращают в Москву.

Здесь автор берет опять один из существенных мотивов пионер-работы, в котором наивные увлечения особенно часты. В то же время здесь задевается и общедетское увлечение — бегство куда-нибудь с авантюрной целью. Сатира и здесь нежесткая. Пионеры вовсе не смешны, они очень настойчивы, и поездка их не совсем безуспешна, — в результате бесед с ребятами в ночном им удастся организовать отряд деревенских пионеров.

VI.

Из всех авторов, пишущих о пионерах, лучше всего знаком с пионерским бытом Рыжов. В его рассказах и повестях намечено много любопытных вопросов. Тут и столкновения форпоста с учителями, и различные моменты лагерной жизни, и работа звена. Звено особенно изобилует бытовыми деталями; оно не плохо изображено у Рыжова в рассказе «Поручение». Это одна из самых удачных его вещей, где действие более или менее развернуто.

Вообще же произведения Рыжова нельзя признать удачными. Дети их не читают, и оно понятно. Рыжов не умеет писать. Из отдельных бытовых штрихов он не умеет создать общей картины. Он пишет бросками, вечно торопится, важные моменты дает мимоходом. Эта манера не для детей. Да она трудна и для писателя. Нужно очень много силы, чтобы при этом получились четкие контуры, чтобы отдельные лица были живыми фигурами. У Рыжова ни того, ни другого нет.

Плохо и то, что он не остановился на определенном литературном темпе и мечется между бытовым этюдом и фабульным приключенческим рассказом. В результате и быт скомкан, и приключение не развернуто. Так, в повести «Буза» завязкой служит интереснейшая бытовая деталь; наиболее активное звено неумелые руководители перегрузили работой и требуют от него больше, чем оно может дать. В результате конфликт и распад звена.

Но автор останавливается на самом интересном моменте, круто и искусственно поворачивает действие, так что в центральной части повести вместо быта оказываются вялые, неискусно введенные приключения. Они мало интересуют, все время невольно вспоминаешь о начале. А развязка говорит читателю, что в отряде за это время конфликт мучительно и трудно был изжит. Но все это остается за кулисами повести. Центр повести вырван и вместо него помещен искусственный приключенческий эпизод.

Рыжов как будто боится, что дети не будут читать чисто бытовых очерков, и сдабривает их третьесортной фабулой. Делая это неумело, он убивает быт, который тоже становится у него искусственным. Худо еще то, что, знакомый с бытом отряда, он не знает смежных областей. Деревня у него шаблонна и бесцветна, школа карикатурна. Так, в рассказе «История одного форпоста» действует какая-то допотопная «начальница», которой противопоставлен идеальный форпост. Да еще так, что вместо описания его работы дан сухой конспект, а задерживается автор только на эпизодах, дающих фабулу, в которой масса искусственного. Кот погнался за мышью, мышь на табуретку, кот за ней, свалил примус, от этого вспыхнул пожар; в школьном зале в это время спектакль, публика мечется в панике, а форпост на сцене с нечеловеческим хладнокровием поет: «Добьемся мы освобождения».

Таковы рассказы Рыжова. Автор не использует своих возможностей и настоящего пионерского быта все-таки не дает.

VII.

Заканчивая статью, отметим прежде всего вывод, который сделала сама жизнь. Библиотеки часто жалуются, что дети (и пионеры и не-пионеры) не хотят читать книг о пионерах. После нашего обзора этот вывод не должен удивлять. Виноваты в этом не дети и не их пионер-движение, виноваты книги о пионерах.

Авторы ходят вокруг и около пионер-движения, иногда грубо и безтактно пользуясь им, как выигрышным приемом, но достигают обратного результата. Они набили оскомину своим маленьким читателям.

Авторы, которые заинтересованы пионер-движением по существу, не дали пока ничего, на чем можно было бы с удовлетворением остановиться.

Есть более или менее удачная сатира на пионерский быт, но самого быта еще нет в литературе.

Почему же это так? Почему есть глубоко важные, яркие очерки из быта беспризорных? Почему есть удачные эскизы, рисующие детский быт советской деревни? А пионеры еще не дождалась своего бытописателя?

Причин много. Мы отметим здесь только одну.

Быт пионеров не так легко увидишь. Извне виден только отряд, марширующий с развернутыми знаменами и пресловутым барабанным боем, видны народные выступления, видны белые палатки.

Из газет, даже пионерских, увидишь немногим больше.

Настоящая внутренняя работа происходит на сборе отряда, на звене, особенно на звене. Ее трудно увидеть. А главное — ее недостаточно увидеть. В нее нужно войти. Поэтому специалисты от литературы, которые могут писать о чем угодно, терпят крушение, берясь за пионерские сюжеты. А писатели из комсомольцев, которые знают быт пионеров, умеют писать лишь настолько, чтобы испортить материал.

А материал есть огромный. Рост пионер-организации, ее болезни — болезни роста, эволюция, которую она переживает, и вращение в окружающий быт...

Быть может, только писатели, которые растут и вырастут из среды пионеров, пройдя хорошую литературную школу, дадут нам то, чего мы ждем.

Примечания

¹ Воспоминания А. А. Петровской. Из материалов архива Центральной детской библиотеки имени А. П. Гайдара (г. Севастополь). Выражаю искреннюю благодарность директору библиотеки С. А. Капановой и Н. В. Канивец за возможность ознакомиться с материалами архива.

² Орфография и пунктуация приведены в соответствии с оригиналом. В оде упоминаются сотрудники: Вера Григорьевна Папернова, Александра Абрамовна Петровская (жена В. В. Петровского). К сожалению, из-за отсутствия в нашем распоряжении данных более полного фактографического комментария к оде дать невозможно.

³ См. публикации И. А. Желобовского: Беседа и рассказывание в отряде. (совм. с Б. Смирновой). М.; Л.: Молодая гвардия, [1927]; Ребята-рассказчики. М., 1930; Рассказывание на исторические темы // Детская литература. 1935. № 4. С. 14–15; Сказка и рассказывание // Детская литература. 1935. № 3. С. 28–30.

⁴ См. публикации И. А. Желобовского: Работа со стенгазетой в пионеротряде. М.: Молодая гвардия, 1930; Чему учит стенгазета // Вопр. воспитания / под ред. М. М. Пистрака. Изд-во ЦКСРП Работник просвещения. № 40. Библиотека Копейка. 1930.

⁵ В 1931 году выходит второе издание.

⁶ См. публикации И. А. Желобовского: Книги для чтения на политехнические темы [Для 1-й ступени]. Обзор // Методика политехнической школы. 1932. № 3. С. 47–48; Газета в детской библиотеке // Красный библиотекарь. 1934. № 8. С. 26–30;

«Пионеру» — 10 лет [Обзор журнала «Пионер» № 1–16 за 1934 г.] // Детская и юношеская литература. 1934. № 11. С. 21–24; Животные-герои [К проблеме зоолог. беллетристики и ее воспит. значение] // Детская литература. 1935. № 6. С. 5–10.

⁷ Выражаю признательность Елене Егоровой (СПбГУКИ) за подготовку текста к публикации.

Источники

Желобовский И., Розанов С. С., Сперанский В. Д. Год занятий по литературе. Задания (Группы — VI, VII, VIII и IX). М.: Кооперативное изд-во «МИР», 1925.

Желобовский И., Рубцова П. Детская литература: справ. для школ 1 ступени. М.: Работник просвещения, 1927.

Желобовский И. Социальный заказ юного читателя // Народный учитель. 1929. № 9. С. 68–70.

Желобовский И. Сплетня и газета // Вопр. воспитания / под ред. М. М. Пистрака. Изд-во ЦКСРП Работник просвещения. 1930. № 43. Библиотека Копейка.

Желобовский И. Чему учит стенгазета // Вопр. воспитания / под ред. М. М. Пистрака. Изд-во ЦКСРП Работник просвещения. 1930а. № 40. Библиотека Копейка.

Желобовский И. Для чего нужна детская библиотека. // Вопр. воспитания / под ред. М. М. Пистрака. Изд-во ЦКСРП Работник просвещения. 1930б. № 13. Библиотека Копейка.

Желобовский И. Книги для чтения на политехнические темы [Для I ступени]. // Методика политехнической школы. 1932. № 3. С. 47–48.

Желобовский И. А. Выразительное чтение и рассказывание: программа для библиотечных техникумов и культурно-просветительных школ. М., 1948.